
СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ПРИГЛАШАЕМ К ОБСУЖДЕНИЮ

УДК 316.42:35

ФОРМИРОВАНИЕ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА КАК СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ

В.П. БАБИНЦЕВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Babintsev@bsu.edu.ru*

В статье исследуется проблема формирования солидарного общества в регионе. Обосновывается, что в настоящее время становится востребованной идея социальной солидарности, которая в последнее время все чаще актуализируется представителями самых различных общественных сил. Утверждается, что стратегия формирования регионального солидарного общества заключается в утверждении в обществе принципов социальности (солидарности), существенно меняющих качество человеческих отношений. Выделяются принципы формирования и реализации стратегии: взаимное уважение, солидарность, ответственность, субкультурная интеграция.

Ключевые слова: регион, социальное сообщество, солидарность, социальный капитал.

В ситуации дефицита внятных и концептуально обоснованных ориентиров стратегического развития отдельные субъекты РФ предпринимают попытки сформировать собственное понимание социальной перспективы, которое приобретает характер практико ориентированного концепта. В Белгородской области, в частности, оно выразилось в разработку Стратегии формирования солидарного общества, базирующейся на теории актуализации социального капитала П. Бурдьё. Известно, что он трактовал социальный капитал как человеческие возможности, сформировавшиеся в результате интеграции людей в социальные группы (семью, трудовой коллектив, местное сообщество, нацию). П. Бурдьё характеризовал его как агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний... Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности»¹. Социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована посредством институционализации группо-

---

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1985. P.248-249.

вых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов. Из определения П. Бурдье становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов.

Социальный капитал – это реальные и потенциальные возможности людей, которые они могут использовать для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества, и которые являются результатом их межличностного взаимодействия. Наиболее существенным в социальном капитале является то, что он создается не усилиями отдельных, обособленных друг от друга людей, а формируется и накапливается под влиянием их включения в прочные коллективистские отношения, установления и выполнения взаимных обязательств, ответственности и солидарности. Размер социального капитала общества прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень выше, тем большими ресурсами обладают страна и государство. Именно человеческий и социальный капитал исторически востребованы в современной России, разумеется, при условии того, что идея ее модернизации является не имитацией, но реальной установкой правящей элиты как на федеральном, так и на региональном уровне.

Одна из проблем регионального (и шире – национального) развития в настоящее время заключается в том, что условия развития социального капитала становятся крайне неблагоприятными в силу фрагментации регионального социокультурного пространства и, более того, утраты целостности человеческого существования. Например, во многом утрачивается связь между уровнем экономического развития общества и его социальной стабильностью, а также позитивным восприятием человеком своего места в жизни, то есть тем, что называется индивидуальным счастьем.

Едва ли не самым серьезным вызовом регионального развития в настоящее время становится фрагментация социокультурного пространства регионального сообщества, утрата им нормативно-ценностного и духовного единства, минимальная степень которого необходима для обеспечения, по меньшей мере, как простого воспроизводства, так и, главным образом, инновационного развития.

Для региональных пространств, как и для России в целом, типична ситуация «распада связи времен», характерными чертами которой являются:

- дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация, практически, каждой статусной группы на свою «особую правду»;
- аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи;
- социальное дезертирство, заключающееся в отказе выполнять социальные роли;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие;
- социальная виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием;
- сервильность, главным признаком которой является готовность человека услужить «сильным мира сего», даже если такое служение противоречит нормам права и морали, не соответствует общественному интересу.

Вследствие этих изменений разрушаются общественные связи, принадлежность людей к социальным институтам становится чисто формальной, а граждане не только отказываются отвечать на вызовы, которые адресуются им от имени государства и общества, но и конструктивно сотрудничать друг с другом. При этом идеология отказа от сотрудничества пронизывает всю социальную иерархию. На нижних уровнях она выражается в неготовности выслушивать и учитывать мнение соседей, родственников, посторон-

них, в попытках агрессивно реагировать даже на элементарное выражение собственного мнения. На высших – в отстранении от общественного участия и гражданского диалога.

Низкий уровень взаимного доверия и ответственности в отношениях между гражданами, являющийся логическим следствием сформировавшейся культурной среды, не только разрушительно воздействует на духовно-нравственную атмосферу в обществе, на отношения между гражданами и властью, но и создает существенные препятствия для реализации социально-экономических проектов и программ, которые не могут быть успешно осуществлены в разобщенной среде, где каждая социальная группа преследует свои корпоративные интересы, а каждый отдельный человек остается наедине со своими проблемами.

Это порождает у населения ощущение неуверенности, небезопасности существования, которое все более усиливается. В данной связи, очевидно, следует говорить о заметных изменениях общественных настроений, выражающихся, в частности, переоценке наиболее значимых жизненных проблем. Если в конце 1990-х – начале 2000-х гг. самыми острыми проблемами граждане считали проблемы материального характера, то в последние годы, наряду с сохранением их актуальности, на первый план выдвигаются именно проблемы безопасности.

В данном контексте и становится востребованной идея социальной солидарности, которая в последнее время все чаще актуализируется представителями самых различных общественных сил. И это вполне логично, поскольку солидарность – не что иное, как такой уровень согласия, без которого в пределах сообщества невозможны эффективные межличностные и институциональные коммуникации.

Вполне назрела идея формирования регионального солидарного общества как системы межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанной на осознании их участниками общности фундаментальных интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении позитивных общественно значимых целей. Она была озвучена, насколько нам известно, впервые в России Губернатором Белгородской области Е.С. Савченко почти два года назад. Данная идея и реализована в виде нормативного документа – Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы»². Однако вполне очевидно, что определение ее как одной из целей регионального развития требует анализа широкого круга проблем, связанных с качественной характеристикой такого общества и барьеров, неизбежно возникающих в процессе его создания.

Идея солидарности коррелирует с концепцией социетального сообщества Т. Парсонса, основанной на представлении о том, что «личные мотивы эффективно канализируются в социальную систему через лояльность и членство в различных по отношению к ним коллективам»³. Лояльность, согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности»⁴. Следовательно, функция социетального сообщества заключается в определении обязательств для членов коллектива, вытекающих из принципа их лояльности.

С учетом разработок Т. Парсонса содержание стратегии формирования регионального солидарного общества заключается в утверждении в обществе принципов социетальности (солидарности), существенно меняющих качество человеческих отношений.

К числу этих принципов относятся:

– доверие, выражающееся в установке в межличностных и социальных отношениях на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанной на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций. Футуролог и социолог Ф. Фукуяма, в частности, подчеркивал, что «доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более

² Стратегия «Формирование регионального солидарного общества». Белгород, 2011.

³ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. – С. 26.

⁴ Там же. С. 26.

или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»⁵;

– взаимное уважение, предполагающее, что граждане не только имеют представление о ценностях, смыслах и мотивах, лежащих в основе поведения каждого из них, но наделяют их значимостью, признают важными, заслуживающими внимания; не подвергают данные конструкции каким либо формам деструкции, разумеется, если эти феномены не антисоциальны;

– солидарность, представляющая собой деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей единокровные с ними. Такое сочувствие может быть лишь результатом взаимного проникновения в базисные ценности и достижением баланса между ними;

– ответственность, которая выражается в готовности и способности человека взять обязательства перед согражданами и самим собой и выполнить их, невзирая на обстоятельства. Необходимо подчеркнуть, что дефицит ответственности является одной из самых острых проблем развития российского общества. И вполне обоснованно Г.В. Осипов пишет: «...все то драматическое, что происходит с человеком и обществом в России, – это в значительной степени результат социальных действий конкретных властных структур, конкретных людей, включенных в эти структуры, и за это они должны нести социальную ответственность»⁶. И крайне важно, чтобы ответственность не была одинаковой для всех, но распределялась соответственно ресурсам, контролируемым человеком или группой. Более высокий статус должен означать не установление льгот или привилегий, освобождающих от обязанностей, но, напротив, необходимость нести дополнительные нагрузки в отношении социума. Следовательно, должен последовательно реализовываться, фактически, попорченный сегодня, но востребованный людьми принцип социальной справедливости, рассматриваемой как мера, устанавливаемая для определения соответствия между деянием и воздаянием, между возможностями и результатами;

– субкультурная интеграция, предполагающая реальную, а не формальную принадлежность к коллективным образованиям, начиная с семьи и заканчивая этносом (этнической группой), опирающуюся на принятие культурных стандартов и стилей поведения. Реальностью настоящего является то, что включённость человека в те или иные социальные группы приобретает по преимуществу формальный характер и определяется внешними по отношению к диспозиции личности факторами (профессиональный статус, образование, место жительства). Граждане при этом крайне редко испытывают потребность содействовать социальному успеху своей общности, ее статусному продвижению. Личная зависть в значительной мере определяет взаимоотношения между людьми. Одновременно социальная группа и общество в целом мало заботится об отдельных гражданах, а в сложных (критических) ситуациях люди, независимо от их статуса, очень часто остаются без корпоративной поддержки и защиты. Субкультурная интеграция означает формирование прочных межличностных и групповых связей на качественно иной основе – достижения ценностно-смыслового единства и соблюдения норм.

Мы полагаем, что установка на социетальность и солидарность должна превратиться в доминанту государственной политики в регионе, а стратегия формирования регионального солидарного общества в реальный, а не имитационный проект.

Однако реализация предложенной стратегии связана с комплексом трудностей и рисков. Прежде всего, они определяются новизной предлагаемого подхода к формированию и реализации региональной политики. Применяемая в настоящее время модель ориентирована на достижение результатов, измеряемых в «физических» показателях. В предлагаемом стратегией подходе акцент сделан, прежде всего, на оценку показателей состояния общественного сознания. Разумеется, это не означает полного отказа от применяемых в настоящее время оценочных процедур, но требует пересмотра приоритетов, смещения их в направлении формирования личностных установок и межличностных отношений, а выявленная динамика будет определять результативность усилий государст-

⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. – С. 52.

⁶ Осипов Г.В. Социология и общество. М., 2007. – С. 179.

венных и общественных (гражданских) структур, предпринимаемых в отношении различных социальных групп.

Подобное смещение ракурса анализа определяется тем, что социальные процессы имеют преимущественно аксиологическую детерминацию и, в силу данного обстоятельства, предполагают модификацию ценностно-смысловых паттерн населения. Очевидно, что уже сама постановка данной задачи указывает на ряд трудностей ее реализации, определяющихся как спецификой социальной среды, так и состоянием общественного сознания. К их числу относятся:

– слабая подверженность культурных стереотипов и ценностей целенаправленным управленческим воздействиям. Это обусловлено природой ценностей, в которых заключен объективный смысл (Л. Столович)⁷, существующие в культуре интеллектуальные константы (архетипы, К.Г. Юнг⁸, символические формы, Э. Кассирер). Ценностные (субкультурные) модификации в принципе возможны, но они требуют стратегических выверенных решений и длительного времени. Ни то, ни другое не характерно для отечественной бюрократии, ориентированной на упрощенные управленческие модели, реализуемые «здесь и сейчас»;

– фрагментация социокультурной целостности регионального сообщества, которое в последние десятилетия становится исключительно мозаичным в культурном отношении; при этом его отдельные элементы, как правило, мало связаны друг с другом. В социуме формируются специфические культурные миры, и принадлежащие к ним граждане все чаще даже не пересекаются друг с другом. Нарастает культурный изоляционизм, ориентированный на приоритет части над целым. Показательно, например, что граждане все чаще не идентифицируют себя с Россией, не только как с особой цивилизацией и культурой, но и как с государством. Так исследование «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» показало, что только 56,13% молодых людей ощущают себя, в первую очередь, россиянами; представителями своего народа в первую очередь считают себя 12,1% респондентов. Значительная часть участников опроса воспринимают себя просто как жителей региона, города, района, безотносительно к стране в целом⁹. Подобная дифференциация прослеживается не только по этническому, но и по другим признакам (религиозному, профессиональному, возрастному). Субкультурные различия становятся приоритетными по отношению ко всем другим разграничивающим людей факторам, превращаются в наиболее значимый фактор социальной демаркации;

– деавтономизация региона в принятии ряда ключевых для социокультурного развития решений. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что субъекты РФ оказались в исключительной высокой зависимости от федерального центра в ресурсном, идеологическом отношении, что в частности, выражается в исключительной «федерально-ориентированной» социально-психологической зависимости региональных элит. Следствием последнего обстоятельства стала неспособность или неготовность руководства многих из них предложить оригинальные модели развития, учитывающие региональную специфику. В то же время на общегосударственном уровне не предложено удовлетворительной национальной стратегии;

– отчужденность власти и населения и, как следствие, неприятие основной массой граждан инициатив, исходящих от власти, что, как отмечалось выше, проявляется и в низком уровне доверия между властью и населением. При этом в основе недоверия лежат различия, определяющиеся особой субкультурной природой бюрократии. Субкультура современной российской бюрократии представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилового

⁷ Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. М., 1972.

⁸ Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992.

⁹ Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ). Белгород, 2008. – С. 208.

поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства¹⁰. При этом субкультурные особенности в гораздо большей степени, чем социально-статусные факторы, выделяют бюрократию из общей массы населения как надгосударственную корпорацию, своего рода орден.

Безусловно, каждый отдельный чиновник позиционируется в собственном мнении и в оценках окружающих по иным признакам, к числу которых относятся формальный статус, уровень доходов, место работы, а в последнее время – еще и чин, правда, о последнем референтное окружение имеет предельно общее представление. Но, как представитель субкультуры, он является именно носителем конкретных ценностей и смыслов, обеспечивающих ему реализацию профессиональной и жизненной стратегии и формирование желаемого имиджа. Этот имидж, как правило, не соответствует реальности, но особенностью бюрократической субкультуры является сознательное конструирование комфортного ценностного мира вне зависимости от его адекватности внешней среде. Бюрократическая субкультура, по сути своей, ориентирована на воспроизводство традиционных смыслов, в то время как идея солидарности требует инновационных подходов и решений;

– установка на имитацию в управленческом процессе. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией. Декларация, как правило, представляет собой заявление о желаемом результате, которое не подкреплено взвешенной оценкой реальных возможностей субъекта, а провозглашенные в нем цели не обоснованы с точки зрения наличных средств и ресурсов. Декорация – это односторонняя (выгодная субъекту) интерпретация реальности, связанная с наделением ее ценностями, значимыми для субъекта и объекта воздействия. Демонстрация включает в себя осуществление процедур, формулировку идей, лишенных реального содержания (духа реальности), но соответствующих формальным нормам. Распространяясь практически на все компоненты управленческого процесса, имитации приобретают самостоятельное значение. Они реализуются не только в виде масштабных технологических моделей, но становятся важнейшей составляющей бюрократического мировоззрения, имманентно заключающего в себе возможность подобных действий. Региональная стратегия формирования солидарного общества имеет все предпосылки для превращения в имитационный проект, поскольку, во-первых, в самой формулировке идеи присутствует некий налет декларативности, по меньшей мере, так ее воспринимает часть населения, прежде всего, элиты, которая за долгий период квазилиберальных реформ обесценила значение «высоких» слов; во-вторых, реализация стратегии требует очень больших усилий, которые легче изобразить, чем реально приложить; в-третьих, проектно-технологический кретинизм, присущий значительной части чиновников не позволяет уложить в рамки их сознания идею, которая не имеет материальных результатов своей реализации;

– невысокий уровень базовой культуры населения, типичными характеристиками которой являются ориентация на взаимодействие в малых группах, связанных, прежде всего, родственными отношениями, недоверие к «другим», в качестве представленных не только иными национальными и религиозными группами, но и людьми, отличающиеся по своему социальному статусу, стилю жизни. Уже сегодня в ходе обсуждений стратегии участники высказывают убеждение, что основные проблемы ее реализации будут связаны с налаживанием диалога на бытовом уровне («на уровне лестничных площадок»);

– неадекватная стратегии социальная и управленческая компетентность кадров системы государственного и муниципального управления, многие из которых адаптированы к выполнению формальных управленческих процедур, достижение частных результатов в экономике и социальной сфере и не способны подняться до осознания необходимости социокультурных модификаций. А именно социокультурные модификации, то есть

¹⁰ В основе предложенного определения лежит концепция субкультуры, представленная в диссертационном исследовании О.Н. Римской. – Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий. Дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. Тула, 2011.

изменения системы ценностей и норм поведения являются условием осуществления стратегии.

Тем не менее, в российском, в том числе и белгородском обществе развиваются тенденции, которые дают некоторые основания надеяться, что стратегия может быть реализована. Главная из них заключается в неустойчивости социокультурной ситуации, нахождении ее в своеобразной точке бифуркации. Этот этап является состоянием выбора возможных вариантов развития системы, возникающим в результате ее внутреннего напряжения. Если напряжение, испытываемое системой в такие моменты, оказывается выше допустимого предела, то она переключается с одного набора аттракторов, то есть сил, направляющих ее развитие по определенным траекториям, на другие, при которых она начинает вести себя иначе, т.е. входит в новый динамичный режим¹¹. «В переломный момент жизни системы, – отмечает И. Пригожин, – нельзя предсказать ее будущее, т.к. в условиях неустойчивости и неравновесия любое в обычных условиях незначительное событие или действие может изменить систему и весь ход ее истории»¹².

Переживаемый Россией период может быть проанализирован на основе методологии изучения социокультурной динамики общества и социокультурного пространства в условиях перехода и кризиса, представленную в трудах П.А. Сорокина¹³. Произошедшие в XX в. и осуществляющиеся в наши дни глубокие изменения в различных сферах общества отразились в культуре. И вполне обоснованно С.П. Парамонова утверждает, что «в переходную эпоху культура становится зыбкой внутри себя»¹⁴. В свою очередь М.С. Каган полагал, что в состоянии переходности, характеризующейся неопределенностью, поливариантностью дальнейшего развития культуры, решающую роль играют «случайные» для культуры факторы¹⁵.

Однако эти факторы могут быть довольно успешно конфигурированы в результате целенаправленных действий государственных, муниципальных и общественных структур. Первоочередными задачами при этом являются:

- формулировка ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения субъекта Российской Федерации и воспринимаются молодежью. Как уже отмечалось, эти ценности и смыслы не должны принимать вид абстрактных конструкций, до понимания которых большая часть молодежи не готова, да и во многих случаях не способна подниматься, но иметь инструментальный характер, презентуемый в категориях здравого смысла;
- утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми, правда, при этом общество должно договориться о том, что является справедливым;
- реальная, а не имитируемая борьба с коррупцией, являющейся главной причиной взаимного отчуждения между гражданами и властью;
- наличие четких границ во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;
- акцент на взаимной ответственности (власти и населения, граждан по отношению друг к другу);
- постоянный и конструктивный диалог государства и молодежи;
- консенсусный язык общения, в основе которого лежит стремление найти общие смыслы, понять друг друга.

Список литературы

1. Каган, М. С. Философская теория ценности [Текст] / М. С. Каган ; С.-Петербург. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. – СПб. : Петрополис, 1997. – 204 с.

¹¹ См.: Тюрина И.О. Бифуркация // Политическая энциклопедия в 2 т. М. 2000. – С. 132. Т 1.

¹² См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

¹³ Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. – С. 425-505.

¹⁴ Парамонова С.П. Динамика морального сознания. URL: www.philosophy.nsc.ru/youngcons/mol/2010.pdf (дата обращения: 19.11.2010г.).

¹⁵ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

2. Осипов, Г. В. Социология и общество [Текст] : социол. анализ русской смуты / Г. В. Осипов ; РАН, Ин-т соц.-полит. исслед., Ин-т перспективных исслед. – М. : НОРМА, 2007. – 846 с.
3. Парамонова С.П. Динамика морального сознания. URL: www.philosophy.nsc.ru/voungcons/mol/2010.pdf (дата обращения: 19.11.2010г.).
4. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса [Текст] : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. В. И. Аршинова [и др.]. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
6. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) [Текст] : сб. материалов социол. исслед. / под ред. Л. Я. Дятченко. – Белгород : БелГУ, 2008. – 326 с.
7. Римская, О. Н. Феноменология субкультурных религий [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / О. Н. Римская. – Тула, 2011. – 172 с.
8. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика [Текст] : исслед. изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. В. В. Сапова ; РАН, Ин-т социологии, Междунар. ин-т Н. Кондратьева – П. Сорокина. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1054 с.
9. Столович, Л. Н. Природа эстетической ценности [Текст] / Л. Н. Столович. – М. : Политиздат, 1972. – 271 с.
10. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества». – Белгород: без изд-ва, 2011. – 80 с.
11. Тюрина, И. О. Бифуркация политическая [Текст] / И. О. Тюрина // Политическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ.-науч. Фонд ; рук. проекта Г. Ю. Семигин. – М., 2000. – Т. 1: А-М. – С. 131-132.
12. Фукуяма, Ф. Доверие [Текст] : соц. добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.
13. Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке [Текст] : пер. с нем. / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 313 с.
14. Bourdieu, P. The Forms of Capital [Text] / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. – New York [u. a.], 1986. – P. 241-260.

THE FORMATION OF THE SOLIDARITY SOCIETY AS A STRATEGY OF REGIONAL DEVELOPMENT: PROBLEMS AND RISKS

V.P. BABINTSEV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Babintsev@bsu.edu.ru

The problem of construction the solidarity society in the region has been analyzed in the article. The demand of the idea of social solidarity has been proved at the present time, which in recent years has increasingly become more relevant to representatives of the most various social forces. It is affirmed that the strategy of the formation of regional solidarity of the company consists in the statement in a society of societal principles (solidarity), significantly changed the quality of human relations. The principles of the formation and implementation of the strategy are allocated by mutual respect, at solidarity, responsibility, and subcultural integration.

Keywords: region, societal community, solidarity, social capital.